

18+

18+

Алиса Штрикман

*95% МЕНЯ -
ЭТО ТЫ*

Алиса Штрикман

95% меня – это ты

«Издательские решения»

Штрикман А.

95% меня – это ты / А. Штрикман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-673047-2

Коэн Хангерфорд, агент ФБР, современный житель Вашингтона и внук английского барона, оказывается перед выбором: изменить разлагающуюся и коррумпированную систему ФБР или вернуть любимую женщину, которую он не видел пятнадцать лет. История о первой любви длиною в жизнь, борьбе с системой и поиске истинного предназначения души.

ISBN 978-5-00-673047-2

© Штрикман А.
© Издательские решения

Содержание

«95% МЕНЯ – ЭТО ТЫ»	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Вне времени...	10
Глава 2	15
Вне времени...	21
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

95% меня – это ты

Алиса Штрикман

© Алиса Штрикман, 2025

ISBN 978-5-0067-3047-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«95% МЕНЯ – ЭТО ТЫ»

Современный эротический детективный роман, 18+

Автор: Алиса Штрикман

Редактор: Наталья Михальчук

Коэн Хангерфорд, агент ФБР, современный житель Вашингтона и внук английского барона, оказывается перед выбором: изменить разлагающуюся и коррумпированную систему ФБР или вернуть любимую женщину, которую он не видел пятнадцать лет. История о первой любви длиною в жизнь, борьбе с системой и поиске истинного предназначения души.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Алиса Штрикман, 2025

Часть 1

Глава 1

*«И голос, такой ясный,
Раз за разом продолжает
Звать тебя...»
Королева «Отец сыну»*

День первый.

Коэн вышел из палаты Дэнни Кроу в больнице Сибли Мемориал в Вашингтоне. С ним всё будет в порядке, врачи приняли его после перестрелки, осмотрели и оставили в стационаре для восстановления на пару недель.

Свой долг официального лица он выполнил – сопровождал Дэнни в больницу, и теперь можно было вернуться в офис. Коэн шёл по длинному коридору, повернув голову в сторону больших, светлых, недавно вымытых окон, выходящих на внутренний двор. Там, несмотря на глубокий сентябрь, всё ещё стоял зной, которого и летом-то не всегда дождёшься, деревья были зелёными, чирикали птички, выздоравливающие гуляли под руку с медсёстрами или с родственниками, пришедшими их навестить. Коэна такая идиллия неизменно вводила в замешательство – с одной стороны, конечно, это больница, и такие прогулки были терапевтическими и реабилитационными, люди после травм и операций восстанавливали способность ходить, говорить, видеть, дышать. С другой стороны, этот внутренний двор навязчиво ассоциировался у Коэна с тюрьмой, откуда могли выпустить только по решению руководства больницы, и люди сидели внутри, за забором, как за колючей проволокой, и не могли вернуться в жизнь, пока не получат уведомление о выписке и план, согласно которому их будут готовить к выходу из больницы и организовывать уход на дому. Это немного угнетало и вызывало жалость к заключённым... то есть к больным.

И тем не менее, Коэн замедлил шаг и остановился у окна. Его внимание привлекла пожилая, очень хрупкая, по складу фигуры скорее похожая на ребёнка, седовласая женщина, видимо, недавно сломавшая ногу. Теперь гипс уже сняли, и она шла очень медленными шагами, шаркая, одной рукой опираясь на костыль, а другой – на руку молодого, тощего человека, шедшего с ней рядом. Он был среднего роста, но и при этом возвышался над ней как маяк над островом. На мужчине был одноразовый халат-накидка поверх одежды – это был либо сын женщины, либо волонтер из местной социальной службы. Коэн придумал для себя, что это всё-таки её сын, у которого с матерью были сложные отношения, они редко общались, но когда с ней приключилась беда, он бросил все дела, приехал в больницу и теперь навещает её каждый день, они ходят по дворику, болтают, она рассказывает ему свою жизнь, о которой он раньше не знал. Коэн всегда верил в хорошее в людях до тех пор, пока те не доказывали ему обратное, а они, как назло, часто умудрялись это делать. Эта его черта характера, с одной стороны, приносила много разочарования и боли, но с другой – развивала в нём эмпатию и позволяла интуитивно вставать на сторону невиновных людей и бороться за них перед жестоким безжалостным законом.

Продолжая смотреть на эту странную пару – маленькую женщину и тощего молодого человека, Коэн усмехнулся и подумал, что воображение рисует проекцию его детской травмы, ведь он рано ушёл из родительского дома во взрослую жизнь. Вот теперь и получай такие выдуманные сценарии развития чужих взаимоотношений с подоплёкой из своего прошлого.

Коэн Хангерфорд был чрезвычайно симпатичным молодым человеком тридцати лет, чем-то похожим на актёра: высокий рост, тёмные волосы, добрые серо-голубые глаза с маленькими морщинками, которые, несмотря на его ещё совсем молодой возраст, уже проложили свои паутинки. У него было сильное, упругое тело (натренированное по необходимости из-за его рода деятельности), кожа на тон темнее, чем у других жителей Вашингтона (в роду его матери, кажется, были настоящие индейцы) и пристальный, глубокий взгляд, как будто смотрящий в бездну (такой взгляд бывает у людей, в жизни которых произошла глубокая трагедия). Коэн родился в Соединённых Штатах Америки, но от своего деда – барона, британского наследственного пэра и члена Палаты Лордов Великобритании, перенял культуру и дух старомодной Англии. Он был вежлив, учтив, даже иногда слишком для современного молодого американца, очень эрудирован и молчалив. Будучи руководителем Отдела уголовных расследований Федерального Бюро Расследований, среди подчинённых и коллег он приобрёл прозвище «Капитан Америка», на которое он резко реагировал и, услышав от кого-либо, метал глазами гром и молнии, но где-то в глубине души оно ему чрезвычайно льстило.

Коэн был одет в дорогой чёрный классический костюм – брюки и пиджак, кипенно-белую рубашку с жёстко стоящим воротничком, чёрный в серую полоску галстук, кожаные ботинки. Он носил часы нидерландской марки «Гронфельд», сделанные на заказ. Будучи давним приверженцем этого брэнда, он обожал их удобство и небываемость.

Мужчина уже почти завернул за угол коридора, чтобы на лифте спуститься на первый этаж, как вдруг встал как вкопанный. Остановило его непонятное чувство, ощущение, как будто его кто-то позвал. Он развернулся в ту сторону, откуда, как ему показалось, он услышал этот странный звук, к ряду белых больничных палат без опознавательных знаков. В другой день он, наверное, и внимания бы не обратил, пошёл бы дальше, не раздумывая, стряхнув внезапное оцепенение. Но сейчас, радостный от того, что с Дэнни всё в порядке, проникшийся теплотой к той придуманной им истории матери и сына во двореке, он так ясно ощутил притяжение, что не смог не остановиться.

Коэн осторожно заглянул в ближайшую палату, дверь которой была приоткрыта. Там лежал человек, подключённый множеством трубок к различным медицинским аппаратам. Коэн огляделся – никого из персонала или посетителей рядом не было. Его взяло любопытство, более того, ощущение притяжения к этой палате у него не пропало, а наоборот, только усилилось. Он решил, что если его застанут на «месте преступления», он скажет, что искал друга и просто перепутал палаты (благо, у него теперь есть знакомый в числе пациентов этой больницы, так что это даже не будет считаться ложью). Что-что, а выкручиваться из скользких ситуаций ему приходилось не раз.

Коэн зашёл в палату, оставив дверь чуть приоткрытой, и подошёл к человеку на кушетке. Из рта и носа лежащего торчали тёмно и светло-серые трубки, тянувшиеся к большому количеству аппаратов. Одни с маленькими экранчиками со множеством различных цифр, графиков, иногда издающие плачущие звуки, а другие и вовсе без них, но зато с кнопками и рычагами. На кушетке, небольшим куполом укрыв ноги и туловище лежащего человека, стояла специальная конструкция, которая, как знал Коэн, позволяла поддерживать температуру тела. Рядом был подключён равномерно жужжащий аппарат искусственного дыхания. Лицо человека было полностью забинтовано, тело по горло укрыто одеялом, поэтому Коэн не мог даже понять, мужчина это или женщина.

Он огляделся – это была одноместная палата, с одной стороны располагалась дверь в туалет, с другой – кровать с различного рода медицинским оборудованием, прямо – окно. Оно было закрыто, дверь в туалет тоже. На прикроватной тумбочке стоял стакан с тремя ручками и одним карандашом, для персонала, а также маленькая корзинка с некоторыми вещами, которые явно принадлежали женщине: зеркальце, губная помада, кольцо, расчёска. Всё. Ни документов, ни букета цветов с запиской, по которой он бы смог узнать её имя.

Коэн на автомате взял из корзинки кольцо и покрутил в руках – простое кольцо из чёрного серебра. Знакомое... Нет, просто показалось. Сколько тысяч, нет, миллионов таких колец продаётся и в маленьких магазинчиках, и в больших ювелирных салонах, да даже на китайских сайтах. Нет, это просто чьё-то чужое кольцо.

Коэн мотнул головой, отгоняя наваждение, положил кольцо обратно в корзинку, и снова посмотрел на женщину, лежащую на больничной кровати. Ему очень хотелось узнать, кто она, как её зовут, по какой причине она здесь находится и как долго длится это её состояние.

Коэн изучал медицину как предмет и в Гарварде, и в Академии ФБР, а также получал много информации от соответствующих специалистов в процессе своих расследований. Судя по всем признакам, эта женщина была в коме. Ему много раз приходилось видеть людей в коме и после неё. Обычно проходят дни, недели, а то и месяцы. В одних случаях мозг в конце концов справляется с травмами и выводит человека обратно в мир живых и сознательных, в других – нет. Часто, чтобы дать человеку шанс, требуются сложные и дорогостоящие операции. Для их проведения врачи специально, с помощью седативных препаратов, вводят пациента в ещё более глубокую искусственную кому, чтобы снизить болевую чувствительность и дать организму дополнительное время для самостоятельной борьбы. Иногда это не даёт результатов, и человек так и остаётся до конца жизни подключённым к аппаратуре. При более удачных обстоятельствах ему всё равно требуется много времени, чтобы восстановить когнитивные способности и начать хоть как-то жить самостоятельно. В любом случае – это долгие месяцы и годы реабилитации. Работать с такими жертвами или свидетелями преступлений чрезвычайно трудно, ведь пока человек выйдет из комы и сможет хоть что-нибудь вспомнить и рассказать, может пройти слишком много времени, потеря которого часто дорого обходится правоохранительным органам.

Но иногда состояние комы может длиться недолго. Коэн помнил случай, когда один из его свидетелей вышел из комы спустя сутки, отделавшись лёгкой черепно-мозговой травмой, сохранив и память, и сознание, и физическую активность. Его скоро выписали из больницы, и они с Коэном смогли собрать очень ценный для дальнейшего расследования материал, который помог посадить за решётку кое-кого нечистого на руку из правительственного аппарата. Вот Коэну тогда досталось за это от заместителя директора Джонса...

Неизвестно, сколько времени прошло, пока он стоял около больничной кровати. Коэн задумался, что за импульс заставил его зайти в эту палату, и пытался снова поймать то чувство, которое его сюда притянуло словно магнитом, как вдруг услышал в коридоре голоса людей. Он автоматически поправил и без того идеально лежащее неподвижное одеяло, ещё пару секунд посмотрел на перебинтованное лицо женщины, зачем-то мысленно пообещал вернуться и выскользнул из палаты. Его никто не заметил выходящим, только при повороте к лифтам он столкнулся плечом с идущим навстречу сотрудником в белом халате, но Коэн коротко извинился и успел заскочить в закрывающийся уже было лифт.

Он даже представить себе не мог, к каким переменам в его жизни приведёт эта нечаянная встреча.

Вне времени...

Трейси стояла на песчаном пляже Северного моря. Холод пробирал до костей, подол её платья намок, но она привыкла к холодным родным водам. Она смотрела вдаль, выглядывая какое-нибудь судно, которое (а вдруг!) принесёт сегодня в их края нелюдимое море. Ей показалось, что-то забелело вдалеке, и сделала шаг навстречу призрачному незнакомцу. Но тут внезапно ей категорично перегородила дорогу лохматая махина – огромного размера леонбергер по кличке Файген, весом в пятьдесят килограмм и ростом Трейси по пояс, собака встала в сантиметре от стоп девочки. Трейси вспомнила про предупреждение о шторме, схватила Файгена за хохолок на макушке и сделала несколько шагов назад, продолжая глядываться в море.

Она жила с родителями на острове Амрум в Германии. Её отец, Стефан Бецкер, держал маленький отель – белый двухэтажный домик с тростниковой крышей, целиком покрытый розовыми цветами. Мать, Клаудия Бецкер, работала в нём и хостес, и шеф-поваром, и горничной. Конечно, в самые пиковые туристические месяцы они нанимали ещё поваров, помощниц по хозяйству, но большую же часть года отец и мать содержали отель вдвоём. Трейси в свободное от учёбы время помогала им по мере своих сил.

Отец и мать были счастливы в своем маленьком бизнесе. Для Германии двадцатых годов XX века это был нелёгкий труд, но это была их общая мечта. Возможно, они даже и поженились не по любви друг к другу, а благодаря любви к своей мечте. Вдвоём было легче её осуществить, и они с удовольствием вместе возились в саду, ходили на рынок, подсчитывали бюджет.

Трейси же здесь было скучно. Она никогда не была за пределами Германии, да и внутри страны всего пару раз ездила в Берлин с родителями да в Мюнстер к тётушке Хельге.

Родители назвали Трейси совсем не немецким именем в честь своей второй любви после отеля – следам на песке (с английского имя Трасу означает «оставляющая следы»¹). Они обожали гулять около моря, причём сначала в одну сторону, а потом обратно, по пути находя свои же следы. У них была такая игра – успеть вернуться и найти отпечатки ног до того, как море их заберёт себе. По мнению Трейси, это было странное развлечение, но она любила своих чудаковатых родителей, и в детстве тоже играла в эту игру вместе с ними.

Сама же Трейси хотела оставить свой след не только на песке, с которого он точно будет смыт водой через несколько минут или даже секунд. Она хотела бороздить на кораблях моря – и не их маленькое Северное, а пересекать Атлантику, а может даже когда-нибудь попасть в Индийский океан. Она грезила о высоких мачтах, деревянных палубах, ночами зачитывалась историями о пиратах и отважных моряках, их прекрасных дамах и невероятно опасных приключениях. Трейси хорошо училась в школе и втайне от родителей мечтала пойти учиться в морскую школу, хотя сомневалась, возьмут ли туда девушку, а спросить было не у кого. Долгими вечерами она сидела с Файгеном около моря и рассказывала ему, как она, взрослая и строгая, будет ходить в белом костюме по палубе и раздавать указания мальчишкам-матросам.

Родители взяли Файгена в тот же год, когда родилась Трейси – тринадцать лет назад. Тогда он был маленьким (насколько маленьким может быть леонбергер), рыже-коричневым с милой чёрной мордочкой. У него был шоколадного цвета нос и хвост «бубликом». Среди заводчиков это считается «браком», и щенка стали предлагать по сарафанному радио по знакомым.

Он был и остаётся отличной нянькой – собаки этой породы легко уживаются с людьми и обожают детей. Родители никогда не волновались за Трейси, когда Файген был рядом, а находился он около неё всегда. Трейси с детства называла его «своим рыцарем», а себя – его «прекрасной дамой», и когда была маленькой, разыгрывала балы и турниры, усаживая все

¹ Примечание автора.

свои игрушки на коробки-трибуны, а противником в этой неравной схватке были мячик или косточка. Файген покорно исполнял свою роль, роняя «плохого парня» на пол большой мохнатой лапой.

У Трейси особо не было друзей – может, только Сабин из школы, но она никогда не чувствовала себя одиноко. Они с Файгеном понимали друг друга без слов – когда у Трейси замерзали ноги, Файген приносил ей носки, а когда она по рассеянности забывала закрыть входную дверь – носом выдавливал у неё из рук книгу и за талию подпихивал девочку в сторону холла. Между ними было притяжение, будто магнит, так говорили все вокруг. Трейси не представляли без Файгена, а Файгена без Трейси. Они как Чип и Дейл, как Гензель и Гретен. Он смотрел на неё своим умным глубоким взглядом, молчаливо поддерживая во всех её играх. Она знала, что что бы ни случилось, она всегда может на него опереться, поделиться, поплакать, обнять его за пушистую шею. И он всякий раз как будто давал ей ответ на её вопрос – ей даже иногда казалось, что он тихо-тихо шепчет ей на ухо, что она умница и что всё будет хорошо.

Собака была уже стара – этой породе отмеряно максимум одиннадцать лет жизни, а Файгену уже тринадцать. Он всё медленнее ходит и больше спит. Трейси не понимала этих изменений, ей всё ещё хотелось бегать с ним вдоль пляжа, играть в мячик, но при этом чувствовала, что надо давать ему больше покоя. Ей часто становилось грустно, когда она садилась возле спящего пса и слушала его тяжелое дыхание. Родители всё чаще отвозили Файгена к ветеринару. Трейси с собой не брали, так как когда в машине на заднем сидении ехал Файген, места больше ни для кого не оставалось. Трейси каждый раз упрямо сидела около дома и трепетно ждала его обратно, гадая, какие новости о его здоровье привезут родители. И каждый раз они привозили хорошие вести: ветеринары удивлялись могучему здоровью собаки и предрекали ему долгие годы жизни. Так говорили родители.

Трейси ещё немного постояла на берегу, смотря на надвигающиеся тучи и усиливающиеся волны. Файген повернулся в сторону дома. Трейси вздохнула, пожелала попутного ветра всем судам, которые сейчас находятся в море в преддверии шторма, развернулась и пошла за Файгеном в дом.

У Клаудии было хорошее настроение – как, впрочем, и всегда, когда она хозяйничала на кухне. Сегодня на ужин она готовила тушёное мясо и картофель. Это была типичная еда людей среднего класса в послевоенной Германии. В семье такую пищу любили любили, но и не знали почти ничего, кроме неё. Для своих гостей Клаудия в качестве деликатеса иногда готовила жареные колбаски, а Трейси с Файгеном, облизываясь от запаха, стояли около неё и ждали, пока на сковородке не случится «брак» – колбаска получится некрасивой или пережаренной – тогда это лакомство доставалось им.

После ужина Трейси и Файген поднялись в её детскую. Файген тяжело шёл, ему нелегко давались одиннадцать винтовых ступеней вверх. Как обычно, он улегся в ноги к Трейси и долго-долго на неё смотрел, пока она читала очередную книгу про пиратов. Когда была окончена очередная глава, Трейси поймала глубокий и очень грустный взгляд пса. Она легла ногами на подушку, а лицом к нему и сказала:

– Вот видишь, Файген, пираты смогли пройти сквозь английский флот! Хотя команда не верила в это, но капитан знал, что возможно всё! И мы с тобой же тоже верим, что возможно всё, ведь правда? Я вот верю. Верю, что через много лет буду стоять на палубе у руля, а ты рядом со мной, и мы будем самой известной командой Германии, которая совершит кругосветное путешествие! Мы будем останавливаться на разных берегах, посетим все-все страны, увидим других людей, и других собак тоже. Познакомимся с ними, будем рассказывать, кто как живёт в своих домах, и кто что ест. Ты веришь в это, Файген?

Файген вздохнул и положил голову на лапу, которая была размером с голову Трейси. Он явно хотел ей что-то сказать, возможно, он был не согласен с ней, и думал, что будет умнее сначала закончить школу, а уже потом решать, плыть им вместе в кругосветное плавание или

нет. Она закрыла глаза и попыталась прочесть его мысли. Иногда ей это удавалось, и она кидала палку, чтобы он принёс и погрыз её, или отпускала поводок подлиннее, чтобы он мог почувствовать больше свободы. Сейчас она ничего не слышала. Он будто пытался от неё что-то скрыть. Трейси открыла глаза и нахмурилась, но тут её внезапно охватила зевота. Она зевнула три раза подряд, а последний раз даже в голос. Смутилась, ведь мама ей говорила, что воспитанные девочки так себя не ведут. Файген тоже зевает широко, но при этом тихо. Она старалась прикрывать рот ладонью, но при нём ей не надо было притворяться, и Трейси с удовольствием зевнула в голос ещё раз, а потом захихикала, представив, как зевает в голос Файген.

Она чмокнула его в мокрый нос, потрепала за уши, перевернулась снова головой на подушку, укрылась одеялом и тут же провалилась в сон. В отличие от других ночей, когда после прочитанных рассказов ей снилось море, шторм или наоборот, яркие солнечные дни, в эту ночь ей не снилось ничего. Вернее, ничего привычного. Была темнота, но был кто-то рядом. Он него веяло заботой и любовью. Этот кто-то большой тёплой рукой гладил её по голове и молился за неё. Между ними была нить, от темечка до темечка. Трейси не было страшно, но она хотела повернуться и посмотреть, кто этот человек, но не могла даже пошевелиться. А ему скоро нужно было уходить. Она хотела ему закричать, чтобы он не уходил, что он нужен ей, кто бы он ни был, но не могла вымолвить ни слова. И тут голос, незнакомый, но такой близкий голос, произнёс: «Дорогая моя девочка, моя душа всё время будет рядом с тобой. Я буду с тобой бороздить океаны жизни, открывать новые земли, знакомиться с разными людьми, но в других облициях. И я всегда найду тебя, и ты непременно меня узнаешь, если будешь держать своё сердце открытым для любви, как оно открыто у тебя сейчас. Помни, что у всего и у всех есть свой срок, и это правило жизни. Самое главное, что мы будем друг у друга вовеки, и вместе мы сильнее. Не забывай об этом».

Связывающая их нить становилась всё тоньше и тоньше, она удлинялась, так как говоривший с большими тёплыми руками начал от неё удаляться. Но она не оборвалась, когда он исчез. Трейси чувствовала её, исходящую из своего темечка, а на втором конце она увидела большой светлый шар, пришедший с той стороны, куда ушёл этот кто-то.

Трейси проснулась поздно. Была суббота, уроков сегодня не было, родители не стали её рано будить. За окном шёл проливной дождь, видимо, на море продолжался начавшийся ночью шторм. В комнате было зябко, Трейси замёрзла. Файгена у неё в ногах не было.

Ещё немного повалившись под тонким одеялом, прогоняя сон, она внезапно села на кровати. Файгена у неё в ногах не было.

Трейси начала плакать. Она смутно вспомнила свой сон, и ей стало настолько тоскливо и одиноко, что только Файген мог ей сейчас помочь. Посмотреть грустными большими глазами в её глаза, положить голову ей на плечо так, чтобы не было тяжело, но чтобы она ощущала его присутствие рядом. Но Файгена у неё в ногах не было.

Трейси накинула тёплый махровый халат и спустилась на первый этаж. Она знала, что гостей в эту ночь в отеле не было, и она могла не стесняться выйти в домашней одежде к завтраку. На первом этаже стояла звенящая тишина. Трейси не помнила такого, обычно в субботу днём у них весь дом шёл ходуном – родители возвращались с рынка, раскладывали продукты по полкам холодильника или в чулан, громко смеялись, вспоминая того или иного продавца, и как хорошо им удалось выторговать мясо. Но сегодня не было слышно ни звука. Трейси заглянула на кухню, предчувствуя неладное.

Родители сидели на кухне за большим столом, державшись за руки. На столе ничего не было. Они сидели и смотрели друг на друга. У матери были заплаканные глаза. Отец держал во второй руке платок. Когда Трейси вошла на кухню, они с ужасом обернулись на неё. Девочке не нужно было слов, она сразу всё поняла. Её сон, гнетущая тишина в доме, покрасневшее от слёз лицо матери, испуганные и растерянные глаза отца.

Файгена не было.

Трейси не помнила, как выбежала из дома в одном халате и тапочках. Она задыхалась. Она не плакала, она просто не могла дышать, у неё будто отняли воздух. Родители сразу выбежали за ней, но всё же она успела убежать далеко, к морю. У Трейси в голове звучало только одно: Файгена не было.

Она, наверное, знала, что так случается. У её подруги Сабин месяц назад умерла кошка. Сабин сидела в школе на уроках и весь день плакала. Её ругали, но она не могла ответить ни на один вопрос учителя. Так Трейси узнала, что живые существа умирают. Вернее, она это знала в теории, по книжкам, но что это может произойти с кошкой подруги, совсем рядом с ней, она не представляла. Что в таких случаях делать она тоже не знала. Более того, она не знала, что ей делать сейчас. Как жить, когда его нет рядом. «А как это вообще – его нет рядом? Разве такое может быть? Нет, не может! Это неправда, надо вернуться к родителям и спросить, почему они плачут. Может, умерла ещё чья-то кошка, а Файгена просто в очередной раз повезли к ветеринару, просто сделали это пораньше, чтобы успеть вернуть его к её пробуждению, но она проснулась раньше?»

Трейси уже знала, что это всё только оправдания в её голове. Она знала правду и не знала, как с этим дальше жить. Голос из сна сказал ей, что они всю жизнь будут вместе, но он солгал – его нет рядом, она одна и теперь всегда будет одна. «Как это можно вынести...»

Всё это промчалось в голове девочки одной бешеной мыслью, пока она бежала к пляжу. Море успокоит её, как успокаивало в любой момент. Может, Файген сидит у моря? Нет, глупенькая, ты же знаешь, что не сидит. Или всё-таки сидит? Она бежала и ей казалось, что она сквозь назойливые капли дождя видит его огромную фигуру, вот он сидит и смотрит в море, а вот он повернул морду в её сторону, но не побежал навстречу, а встал и своей тяжёлой походкой пошёл в волны. Трейси побежала быстрее, задыхаясь и зовя: «Файген, Файген!». Она была вся мокрая от дождя, грязная от песка, в котором застревали её ноги. Она где-то уже потеряла один тапок, но какая ей была разница, ей нужно было догнать его, обнять и вернуть домой.

Как же это работает одновременно – и знание, что его больше нет, и странная неосознанная надежда, что он где-то есть?

Когда родители добежали до пляжа, Трейси стояла по пояс в воде и продолжала судорожно кричать вдаль: «Файген, вернись!»

На следующее утро Трейси проснулась без голоса и с высокой температурой. Она лежала в кровати, не смея пошевелиться и боясь посмотреть в свои ноги. Там было холодно и пусто. Его не было. Пришла мама, она принесла ей подогретое молоко, которое Трейси послушно выпила. Клаудия села рядом с дочерью и посмотрела в окно – дождь кончился, но небо всё ещё было затянуто серыми тучами. Солнца сегодня не предвиделось. Мать встала с кровати и собралась поменять мокрую от жара и пота девочки подушку. И тут на кровать Трейси упал луч солнца. Клаудия удивленно остановилась – откуда солнце, если ещё секунду назад на небе не было и просвета?

И тут в дверь позвонили. Клаудия стояла в нерешительности – пойти открыть дверь или остаться с Трейси? Они с вдвоём молча слушали, что происходило внизу – вот Стефан подошёл к двери, вот открыл её. Это был, мистер Швайцнер, его школьный приятель. Они не виделись много лет, но сегодня у мистера Швайцнера лопнуло колесо в машине совсем недалеко от отеля Стефана, и он, вспомнив, что тут живёт его одноклассник, решил навеститься к нему на чашку горячего чая, а может, и чего покрепче. Он громко крикнул, входя в дом, сказал громким басом: «Стефан, друг мой, сколько лет, сколько зим!» Стефан что-то ему ответил, и они пошли на кухню, разговаривая уже на тон тише.

– Мама, иди помоги папе, я в порядке, – прошептала Трейси Клаудии. – Расскажешь мне потом городские сплетни.

Клаудия ещё несколько секунд постояла, видимо, раздумывая, где её помощь нужна больше. Потом она вздохнула, поцеловала дочь в лоб и вышла из комнаты. Трейси какое-то

время пролежала в кровати, смотря в окно. От температуры дико болела голова и резало в глазах. Она попыталась их закрыть. Перед ними сразу возник образ большого, тёплого облака... Трейси открыла глаза, этот образ был больше, чем голова или глаза.

«Когда же мы будем снова вместе, как ты обещал?», – беззвучно прошептала Трейси в серое безжизненное небо в окне. – «Ты обещал заботиться обо мне, но тебя рядом нет, и это нечестно. Ты меня больше не любишь, поэтому ты ушёл от меня. Но что я сделала, что? Я же так люблю тебя...».

Она всё шептала и шептала, захлёбываясь слезами. Ей захотелось пить. Хотя у неё была сильная слабость, она спустила ноги с кровати, нашла на полу тапочки, укуталась в одеяло и, держась за поручень, стала аккуратными шагами спускаться вниз. Она хотела с нижних ступенек позвать маму, ведь ей неприлично появляться перед гостями полуголой, завернутой в одеяло. Но у неё не было голоса, чтобы издать даже звука.

Трейси спустилась с лестницы и подошла ко входу на кухню. Солнечный луч, одинокий, но сильный, единственный, пробившейся сквозь толщу низкого дождливого неба, не отступал от неё ни на шаг. Она подошла ко входу на кухню и прислушалась. Говорил мистер Швайцнер. Он рассказывал о своих детях, мальчике и девочке, одного возраста с Трейси, как хорошо было бы им, отцам, снова подружиться и выезжать с семьями на природу.

Трейси зашла на кухню и помахала маме. Клаудия стояла спиной к ней, что-то нарезающая, и не увидела дочь. Трейси хотела подойти к ней поближе, но вдруг так и осталась стоять на месте с поднятой рукой. В эту минуту Мистер Швайцнер закончил говорить про своих детей и неожиданно сменил тему:

– А вам не нужна собака? Мой сосед разводит этих, как их... больше такие, леонбергеры, кажется. Порода не из простых, конечно, огромные, он их готовит к продаже в другие страны, кажется, даже в королевские семьи. Но вчера у них родился мальчик с коричневым носом и хвостом-«бубликом». Это «брак», такого никому не продашь. И вот он предлагает его всем знакомым. Я бы взял, но у Молли аллергия на животных и...

Трейси его больше не слушала. Она стояла с поднятой рукой, завернутая в одеяло, обогреваемая одним ярким, смелым солнечным лучом, и в голове у неё звенели слова: «Я буду с тобой бороздить океаны жизней, открывать новые земли, знакомиться с разными людьми, но в других облициях. И я всегда найду тебя, и ты непременно меня узнаешь, если будешь держать своё сердце открытым для любви, как оно открыто у тебя сейчас...».

Глава 2

*«Раз тебя нет рядом со мной, когда я просыпаюсь,
Я пойду мечтать о тебе во сне...»
Королева «Бал мечтателя»*

В ту ночь Коэн занимался сексом неистово, как в последний раз. Это было больше похоже на какую-то истерику.

Он встречался с Айрис уже полгода. Она была влюблена в голливудскую внешность Коэна, в его белые зубы, дорогой парфюм и неизменно отглаженную рубашку, а Коэну не хватало времени или причин с ней расстаться. Если бы его спросили, хочет ли он пойти на свидание с Айрис или проторчать всю ночь на дежурстве, он без колебаний выбрал бы второе. Айрис обижалась на слишком редкие встречи, но не подавала виду, опасаясь, что Коэн укажет ей на дверь. Она чувствовала, что никогда не заменит ему ни любимую работу, ни ту пустоту, появляющуюся в его глазах, когда он смотрел в окно или в монитор своего ноутбука. Пока Айрис довольствовалась той ролью, которую играет в его жизни, убеждая саму себя, что его любовь придёт со временем. Ей просто надо быть рядом и красивой.

Коэн никак не мог переключиться на настоящий момент. Его дыхание было сбито, он ласкал грудь Айрис, её мягкий пухлый животик, стройные ноги со всегда идеальным педикюром, но его мысли постоянно перескакивали в ту больничную палату, где лежала незнакомка. Его одновременно одолевал целый букет из противоречивых эмоций: с одной стороны, сейчас он находился в постели с Айрис, она извивалась всем телом, ласкала языком его щетину, кусала за ухо, но он этого не чувствовал. Считается ли это изменой? Его мучали угрызения совести из-за того, что сейчас он думает о другой. С другой стороны, ему всё же жутко хотелось узнать, что за женщина лежит в коме, и почему утром его так потянуло в её палату, а ещё больше – почему теперь он постоянно о ней думает.

Конечно, ему случалось при тех же самых обстоятельствах, во время секса, «улетать» из реальности. Иногда это происходило из-за рабочих вопросов, когда сложноразрешимая головоломка не отпускала его ни днём, ни ночью, пока он не найдёт ответа. Ведь решать сложные задачи – это его конёк. Но чаще Коэн неосознанно погружался в воспоминания о прошлом, о девушке, которую он когда-то любил всей душой. С ней он мог реализовывать свои сексуальные фантазии, в которых позже никогда не признавался другим женщинам. Он был у неё первым любовником, они вместе изучали тайны тел мужчины и женщины. И когда она всплывала в его фантазиях во время секса с реальной женщиной, для него это было уже естественно. Её образ не отпускал его все те пятнадцать лет, что они уже не вместе. Хотя кто кого не отпускал, это был вопрос. Она слилась с ним, они были неразделимы. И всё же, то была работа или призрак любимой, но сейчас – вообще другая женщина. Коэн ритмично двигался, размышляя о том, что он сейчас делает, кому и с кем изменяет, и ему становилось противно от одной только мысли об этом.

– Коэн, очнись! – вскрик Айрис вывел его из карусели бешенных мыслей, в которой он витал уже неизвестно сколько времени.

В комнате было душно, их влажные, уставшие тела елозили о белые простыни, которые тоже уже были мокрыми, хоть выжимай. Из окна дул лёгкий ветерок, но он не спасал от последствий того буйства, которое только что происходило между этими мужчиной и женщиной.

– Я, конечно, понимаю, что ты снова занимаешься любовью со своей прекрасной работой, но мне, чёрт побери, больно! – Айрис отстранилась и отодвинулась на край кровати, надув губы.

Вообще ей нравились грубые движения, и она часто просила Коэна быть с ней пожестче, тогда, когда ему хотелось больше нежности. Это несовпадение темпераментов его смущало, и он иногда ей подыгрывал. Но не сегодня. Сегодня он был сам не свой.

Коэн сел, спустил ноги с другой стороны кровати, и обхватил голову руками. Что же с ним сегодня такое?

– Прости, Айрис, что-то совсем не ладится, – сказал он, не поднимая головы. – Давай закончим на сегодня.

Айрис фыркнула, встала и, кокетливо виляя бёдрами, пошла в ванную, постаравшись как можно громче хлопнуть дверью. Как назло, двери в квартире Коэна были на доводчиках, закрывались мягко и бесшумно, что ещё больше разозлило Айрис.

Коэн закрыл глаза, и его мысли помчались в другую сторону. Он замер в одной позе, ожидая, к чему они его приведут. Они никогда не разговаривали об отношениях. У Айрис была картинка идеальной жизни, куда Коэн вписывался как идеальный муж и отец для её будущих идеальных детей. Она не видела необходимости что-то обсуждать, и мирно, но с неугасающей надеждой ждала предложения руки и сердца. Каждый раз, когда они ходили в ресторан, она надевала свое лучшее платье, втайне мечтая, что вот сегодня это наконец точно случится. Но ничего не случилось.

Коэн же делал слабые попытки поговорить, обсудить, чего каждый из них ждёт от этих отношений, но всегда сталкивался с собственным непониманием смысла этого разговора, и предпочитал не тратить на это энергию. Он столько раз сбежал из отношений, когда они не дотягивали до его идеала, что уже привык, что рано или поздно всё закончится само собой. А до его идеала не дотягивал никто, так что... Коэн часто думал о той нелепице, что он влюблён в призрак женщины из его прошлого. Того человека уже не существует, она выросла, изменилась, её становление из девушки в женщину происходило с другими мужчинами. Он не знает её сейчас, и как же глупо сравнивать всех женщин с несуществующим идеалом. Коэн усмехнулся и тут же погрузился. «Сколько так может ещё продолжаться? Если я пятнадцать лет ничего с этим не делал, и от этого не ладилась личная жизнь, может, пора что-то начать делать...».

При этом он больше не хотел тянуть эти бессмысленные отношения с Айрис. Он подумал, что то, что сегодня произошло, является финалом их отношений. Но если он сбежит и сейчас, это снова будет означать победу прошлого.

Он боялся. Боялся погрузиться в любые романтические отношения до такой степени, что когда они закончатся, а он не сомневался в этом, он будет испытывать такую же невыносимую боль, как тогда. Боялся одновременно и остаться навсегда в одиночестве, но при этом сохранить такой родной образ любимой, вечерами маячивший как в холодных комнатах его квартиры, так и в его пустом сердце. Боялся отпустить прошлое, ведь тогда внутри может образоваться такая пустота, которую он не в силах будет выдержать, и он сойдет с ума. И в том, и в другом случае он, скорее всего, останется один. Тогда зачем отпускать... Эта дилемма сводила его с ума и когда он об этом думал, начиналась сильнейшая мигрень.

Айрис вышла из ванной уже одетая. Строгий тёмный брючный костюм стройнил её, белая рубашка оттеняла белую как снег кожу. Её короткие светлые волосы неизменно были уложены в стиле пятидесятых годов, и она была похожа на Мэрилин Монро – невысокая, пухленькая, но с бойким характером и очень высоким самомнением.

– Опять у тебя в ящике для полотенец лежат носки и футболки, – Айрис злилась, и в её интонации стали проскакивать нотки голоса строгой учительницы. У неё всё должно быть идеально, по полочкам, а бытовая рассеянность Коэна раздражала её до глубины души.

– Я посажу тебя в такси, – Коэн пропустил её слова мимо ушей и тоже начал одеваться.

– Почему я никогда у тебя не ночую, напомни мне? – с усмешкой спросила Айрис.

– Я во сне хожу, чавкаю и громко ругаюсь матом, – обезоруживающе улыбнулся Коэн, натянул футболку и аккуратно подтолкнул Айрис за талию из спальни.

– И что, ты ни разу ни с кем не проводил всю ночь, Коэн? Я тебе не верю, – Айрис остановилась около входной двери и посмотрела ему в глаза.

– Ты уверена, что хочешь знать ответ? – взгляд Коэна внезапно стал жёстким и стальным, пронзающим насквозь.

От этого взгляда, от слов, доказывающих, что кто-то значил (а может, и сейчас значит?) для него намного больше, чем она, Айрис снова впала в бешенство. Она не могла произнести ни слова от ярости. На девушку было страшно смотреть: она сильно побледнела, потом покраснела, смогла только выдать из себя, что наговорит ему аудиосообщение, что она обо всём этом думает, и выбежала из квартиры, даже не закрыв за собой дверь. Коэн захлопнул дверь сам и остался в тишине и в одиночестве. Один. Как же было хорошо! Он любил вечернее одиночество.

Ночью Коэн проснулся от жара, которым пылало его тело. Повторяющиеся сновидения были связаны с длинными рыжими волосами и жёлтым лугом, где он упивался запахом знакомого чувственного, нежного девичьего тела. Жгучее, вязкое желание горело у него в животе, член стоял, грудь глубоко вздымалась, ягодичные мышцы были напряжены, мысли спутаны, он изнемогал от желания. Коэну так хотелось вернуться в тот сон, наконец-то разглядеть её лицо, прикоснуться к её губам, ведь он знал, что это была она, но расплывчатый образ убегал от него, смеялся, прятался за столетними толстыми деревьями с пышными жёлто-зелёными кронами, она была настолько неуловима, что не представлялось даже малейшей возможности, что ему удастся догнать и заглянуть ей в глаза. А с уходом дремоты уходили и луг, и волосы, и древесный свежий запах. Не открывая глаз и стараясь не отпустить до конца те страстные ощущения, Коэн взял руками член, и не успел он протянуть кожу вверх и вниз, как волна наслаждения накрыла с головой, и горячая струя спермы длинным фонтаном взмыла вверх, заливая и грудь, и подушку, и простынь... Он не помнил, когда ощущения от оргазма у него были такими сильными. Коэн расслабился, его тело обмякло, он на какое-то короткое время вроде бы даже отключился.

И тут раздался телефонный звонок.

Ничего не украли, тем страннее было это ночное нападение на лавку гадалки в самом сердце района Джоржтаун города Вашингтона.

Коэн приехал первым из своей группы, потому что жил недалеко. Из-за нервной и практически бессонной ночи его мучила давняя подруга-мигрень. В машине он выпил таблетку обезболивающего, затем принял документы и лист допроса из рук полицейского, дежурившего около входа, и сразу пошёл осматривать место преступления. Дверь в лавку была открыта, и Коэн вошёл в просторную гостиную со светлыми стенами зеленовато-оливкового оттенка. На удивление, помещение было весьма современным, несмотря на стереотипное представление о тёмных комнатах, где колдуньи вершат свои страшные магические дела: на стенах висели редкие картины с абстрактными изображениями, из больших окон в пол комнату заливал яркий лунный свет, высокие коричневые шкафы стояли вдоль простенка между окнами, все дверцы были закрыты. Бирюзовый диван был отодвинут от стены, разноцветные подушки вспороты, синтепон покрывал почти весь пол комнаты как слой декабрьского снега. Дверь в рабочий кабинет была нараспашку, книги разбросаны, маленький деревянный стол для гадания перевернут, и большой магический шар лежал рядом с комодом на полу. Ящики рабочего стола у дальней стены были открыты, их содержимое валялось на полу рядом со скрепками, ручками, листами из блокнота. Несколько целых кружек, видимо из кухни, также были побросаны на пол. Складывалось ощущение, что кто-то просто хорошенько похулиганил в этом месте. И хулиганство имело бы место, если бы точно такие же нападения не были совершенны ещё

в двух лавках – одно тут же, в Джорджтауне, на другом конце района, а второе – в штате Виргиния, в Александрии. Совсем близко, но уже другой штат. Поэтому полиция быстренько умыла руки и передала это дело ФБР.

Сама гадалка, миссис Дороти Роббинс, сидела на широком подоконнике, заваленном пушистыми бирюзовыми подушками. Все полицейские уже ушли, оставив её одну в лавке. Она была спокойна, удивительно спокойна, учитывая обстоятельства. Миссис Роббинс смотрела в окно, за которым была ночь, и в глаза ей светили яркие жёлтые фонари, стоявшие вдоль дороги. Рядом с ней сидела серо-белая полосатая кошка, её взгляд тоже был устремлён в ночь. Общий вид этой картины казался очень удручающим, но каким-то поэтичным, не лишённым очарования и магии. Коэн поёжился, кашлянул и тихо поздоровался.

Женщина и кошка одновременно обернулись. Коэн и гадалка смотрели друг на друга несколько секунд, возможно, несколько дольше, чем требовал от агента профессиональный этикет. Волосы у миссис Роббинс были седыми, почти белыми, а глаза тёмными, с маленькими смешными морщинками вокруг. Её красивый рот с полными подвижными губами и аристократический нос с горбинкой напомнили Коэну его преподавателя по праву на юридическом факультете в Гарварде. Та тоже всегда смотрела на студентов смешливо и дерзко, будто вызывала их на поединок. Сейчас, под взглядом этой пожилой женщины, Коэн снова почувствовал себя как на экзамене. «Черт побери, а она ведь действительно что-то делает. Как это называется, считывает или смотрит в душу? Аж холодок по коже».

Коэн взял ситуацию в свои руки. Он ещё раз кашлянул, нарочито заглянул в блокнот, хотя его фотографическая память уже знала все детали этого происшествия назубок, и заговорил:

– Миссис Роббинс, доброй ночи, меня зовут агент Хангерфорд. Мои коллеги из полиции вкратце описали мне произошедшую ситуацию. Как вы себя чувствуете?

Женщина улыбнулась, не отрывая от Коэна пронзительного взгляда, прищурилась и ответила:

– Это так приятно, когда джентльмен спрашивает у дамы о её самочувствии, а не о том, где она была и что делала ночью. Полиция подозревает меня в хулиганстве в собственной же лавке, представляете? Благодарю вас, Коэн, со мной всё хорошо.

«Коэн? Хм. Я разве назвал её своё имя?», – мысли мгновенно закрутились в голове. Прагматичный ум сразу подкинул решение: «Наверное, полицейские при ней говорили про группу из ФБР, которая их заменит, и упоминали имя руководителя. Ну конечно!». Голова раскалывалась и отказывалась быстро и адекватно соображать.

– Хорошо. Тогда прошу прощения, но позвольте всё-таки повторить вам этот вопрос. Где вы были этой ночью? Вы отказались отвечать на него полицейским. Могу я также узнать, почему?

Кошка миссис Роббинс вдруг спрыгнула с подоконника, медленно и вальяжно подошла к ногам Коэна, обнюхала его и тихо зашипела. Гадалка удивленно подняла одну бровь.

– Тихо, Стикистар, ты что это вытворяешь перед нашим гостем? – женщина строго посмотрела на кошку, и та горделиво и равнодушно, подняв хвост, пошла на кухню.

Проводив кошку молчаливыми взглядами, они вернулись к разговору.

– Вы думаете, я сама это сделала? – теперь миссис Роббинс строго посмотрела на мужчину.

– Я не могу делать какие-либо выводы на основании лишь увиденного. Мне нужна в этом ваша помощь, – Коэн располагающе улыбнулся.

Ещё в юные годы Коэн выработал в себе несколько типов улыбок: для родителей – улыбка «послушания», для учителей – улыбка «повиновения», для друзей – улыбка «дерзкая», для девушек – улыбка «обольстительная». Лишь со своим дедом он был собой, настоящим, мог расслабить мышцы лица и вообще не улыбаться, они были родственными душами. Лишь с возрастом пришло понимание, что его настоящие эмоции являются самыми ценными, что должно

быть глубоко наплевать, что подумают о нём люди, что можно не притворяться и не подстраиваться, а быть таким, какой он есть – сильным и независимым. И он стал избавляться от своей коллекции улыбок. Оставил лишь несколько, ровно столько, сколько нужно, чтобы разговорить жертву преступления или самого преступника.

И вот сейчас на его лице появилась улыбка «располагающая». Вообще эта женщина была ему очень симпатична, он не допускал даже мысли, что она сама могла изуродовать горячо любимую лавку, а это было заметно по тщательно подобранной цветовой гамме стен и мебели, по безделушкам, висевшим на стенах, по пучкам трав, заботливо развешанных на пути к кухне. Их осталось висеть немного, большинство были разбросаны по полу ночным хулиганом. И Коэн решил подарить ей самую тёплую из своих улыбок.

– Какой приятный, смешной, молодой мальчик. Можешь не тратить на меня свои улыбки, я и без них вижу, что тебе нужна моя помощь. И я говорю не про разрушение моего дома.

Коэн шарахнулся назад, едва успев на автомате подставить ногу, чтобы не упасть.

– Вы что, мысли мои читаете? – Стоп. Вдох-выдох. Он не мог поверить своим ушам.

– Вот ещё, делать мне больше нечего. Это всё написано у тебя на лбу, – гадалка засмеялась. – Подойди поближе к свету.

Вдруг Коэн, как замороженный, сделал шаг ей навстречу и оказался прямо под люстрой, на которой горело лишь три лампочки из семи. Миссис Роббинс встала и подошла к нему.

Они не видели, как полосатая кошка вышла из-за угла и с удивительными для животного нетерпением и любопытством стала за ними наблюдать. От взгляда гадалки лицо Коэна вдруг стало гореть, как в печке. Он кожей чувствовал электрический разряд её глаз, которым она, как сканером, осматривала его с ног до головы. Они так стояли и смотрели друг на друга целых две или три минуты. Потом Коэн вдруг услышал звуки приближающихся автомобилей. Скрип шин грубо вывел его из транса, и он быстро-быстро заморгал. Это подъехали его коллеги.

Женщина, не отрывая взгляд, быстро-быстро заговорила:

– Смешной мальчик, ты счастливый по жизни, и душа твоя везучая донельзя. И её душа везучая. Многие жизни вы скитались по свету рука об руку, но только в этой наконец встретились в таких телах, чтобы создать баланс для этой маленькой Вселенной. Иди к ней и не трать время на мелкие незначительные передраги старой женщины, она ждёт тебя.

– Хангерфорд, ты уже здесь, ну прям Шумахер, – со стороны двери до Коэна донёсся звук громкого голоса его коллеги и подчинённого МакГрегори. Это был очень высокий, худощавый, приятный на внешний вид парень, при взгляде на которого Коэн каждый раз удивлялся, как ему удаётся доставать брюки такой длины. Удлинял он их что ли?

Они с МакГрегори, можно сказать, дружили. Тот частенько просил Коэна подежурить за него в Управлении, когда его ребёнок в очередной раз заболел, и жене нужна была помощь. Коэн, хотя и был его начальником, был неженат, бездетен, без памяти любил работу, и всегда соглашался подменить товарища. МакГрегори за это угощал его пищей и выезжал на места преступлений вместо того днём. Коэну «полевая» работа нравилась намного меньше, чем офисная, он любил разгадывать задачки, которые приносила ему его группа, сидя за компьютером и перед большой доской с разноцветными, пахнущими спиртом и растворителями маркерами. Ребята перешёптывались, что пора бы уже руководству предложить Коэну местечко в офисе повыше этажом, потому что такая голова и пропадает на оперативных делах. Коэн и сам был бы не против повышения, тем более, у него было, что предложить начальству для оптимизации некоторых процессов, например, некий секретный файл в закодированной папке. Но он пока не находил возможности представить свои наработки, считая, что нужный момент обязательно настанет. А пока он на своем месте, руководит своей командой оперативников, успешно раскрывая дело за делом.

– Да, Мак, я же тут недалеко... – Коэн ещё пребывал в прострации от того, что сказала ему гадалка. Он будто забыл, зачем он здесь, голова обволакивалась туманом, шедшим из глу-

бины веков, из прошлых жизней, нагнетая тяжёлое осознание того, что ему надо куда-то идти, что кто-то его ждёт. Коэн резко встряхнул головой: «Что за бред, надо работать».

Он посмотрел на миссис Роббинс отрешённо, передал ребятам протокол допроса, и они углубились в чтение. Женщина вернулась на своё место у окна, кошка снова прыгнула к ней на колени, устроилась калачиком и прикрыла морду длинным полосатым хвостом. Поглаживая свою любимицу, гадалка грустно покачала головой и прошептала про себя: «Ничего, придёт время, и они всё поймут. Нужно только время, время, а его так мало...».

Вне времени...

Джордж этой ночью в Бостоне спал тяжёлым сном. Ему снилось, что он находится на арене цирка. Вот он закончил своё выступление, зал ревёт, зрители рукоплещут, бросают ему цветы... Он кланяется направо, налево, и должен задыхаться от адреналина... Но... нет, он не задыхается, у него просто... не бьётся сердце? Вот так вот просто. Вроде бы оно есть внутри, и сам Джордж прекрасно функционирует, но сердце не бьётся... А вместе с биением сердца будто ушла какая-то часть его души, очень важная часть, может быть, самая важная в жизни, но он никак не мог вспомнить, что же это такое, и от этого на него накатила дурная вязкая тоска, буквально нахлынула как морская волна высотой в человеческий рост, и он начал тонуть в ней, захлёбываться, пытаться вынырнуть. Но как он сможет вынырнуть без сердца?.. Он проснулся посреди ночи весь в поту и смятении. Немного полежал, пытаюсь припомнить детали своего сна, но их быстро затянуло другими мыслями, которые, уловив момент пробуждения, тут же заняли всю его голову. Он глубоко дышал, потом немного успокоился, и когда картинки удушливого сна полностью заменились полуночными мечтами, он уснул.

Стив любил раннее утро. Когда никаких мыслей ещё нет, можно проснуться, но не открывать глаза сразу полностью, а приоткрыть сначала один глаз, потом второй – и увидеть узкую полоску солнечного света, который, найдя внимательного зрителя, сразу устремляется в щёлочку между его ресниц. Весёлый лучик разговаривал со Стивом, рассказывал, где был в эту ночь, кого видел и куда собирается теперь. Это было время Стива – только его одного. То единственное, что принадлежало только ему.

Стив мечтал жить в своём доме. Иногда в утренние часы он лежал в постели и представлял, что у него своя комната, своя кровать, свой шкаф, свой стол. Представлял, как он встаёт с кровати, подходит к столу и садится. Один. Он не знал, как это, но представлял, что это чудесно. А ещё он мог бы работать журналистом. Утром направлялся бы в редакцию крупной газеты, в огромный кабинет, где сидят множество таких же журналистов, ожидал бы с ними темы для новостей, а потом бежал бы за сенсацией в город. Он мог бы стать хорошим журналистом. Интересно, сколько платят журналистам? Хватит ли этого на покупку и содержание собственного дома? Время бежало неумолимо, пора было вставать. Он тяжело вздохнул и откинул одеяло.

Стив и чистил зубы под невесёлые мысли, его снова снедала тоска от необходимости идти репетировать. Каждый день, год за годом нужно было идти репетировать. Ему казалось, что вся его жизнь зациклилась, и он просыпается каждый день в один и тот же час, чтобы делать одно и то же – репетировать, репетировать, репетировать... Он ненавидел эти часы в гримёрке, когда ему красили губы, чтобы они «были чётче видны на лице» с арены. А потом часы на самой арене – вниз ногами, вверх ногами, ноги задом наперёд. Он изучил все движения наизусть до такого автоматизма, что разбуди его ночью, он повторит всё, не открывая глаз. Но нет, этого было мало. Придумывали ещё номера, и ещё, и ещё... Карусель выступлений крутилась так быстро, так монотонно, что он уже перестал стараться за ней поспевать. Очередной город, очередная арена, очередной зритель. Стив вроде бы смирился – а куда он мог деться? Контракт – штука серьёзная. И он принадлежит Моррису как свинья в загоне. На жалкие подачки, которые тот платит, нельзя даже купить нормальную одежду. А сам Моррис зарабатывает миллионы. Но в душе у Стива теплилась небольшая, совершенно несбыточная тайная надежда стать свободным, уйти от хозяина цирка и попробовать устроиться журналистом.

Нужно только договориться...

Пока повозка ехала до цирка, Джордж смотрел в окно. Он видел серый город, грязь и газеты, летающие по тротуару, бродяг, слоняющихся по улицам и поглядывающих на сидящих в повозках в ожидании, вдруг им что-то перепадёт. Видел открывающиеся с утра лавочки

со вкусно пахнущим хлебом, и около них ещё не было их зажиточных покупателей. Свежей выпечкой пахло так аппетитно, что у Джорджа заныло в животе. Вчера ему не удалось поужинать, и он надеялся перехватить что-то на завтрак до репетиции. Как, интересно, Моррис хочет, чтобы они работали, и при этом не раскошеляется на еду? Нужно с ним обсудить это и договориться, чтобы их кормили чаще или хотя бы сытнее. Тарелки пустой овощной похлёбки и одного куска хлеба в день явно недостаточно для взрослых мужчин, занимающихся физическим трудом. А самим что-то покупать – денег и так не хватает, так ещё и тратить их на еду. Джордж знал, что контракт с Моррисом истекает через год, и планировал ткнуть этим фактом в лицо этому поганому жадному индюку и напомнить, что через год он больше не сможет зарабатывать на них свои миллионы. Если Моррис хочет иметь хотя бы надежду, что он продлит контракт ещё на несколько лет, пусть считается с условиями Джорджа.

Конечно, Джордж не собирался продлевать контракт с этими рабскими условиями. Он слишком хорошо изучил «кухню» этого бизнеса, чтобы оставаться у Морриса в труппе. Он подслушивал, какими словами Моррис продаёт шоу, узнавал, как печатается реклама в газетах и на плакатах для развешивания улицах, и думал, что уже хорошо чувствует, как заинтересовывать зрителей, где вернуть интригу, а где и можно показать самую малую часть шоу, чтобы разогреть аппетит публики, чтобы они бежали как тараканы на кухню – раскупать билеты в касках. Он продумывал план организации собственного шоу. Он любит сцену, любит публику, а они любят его. Так почему же на этом не заработать? И тогда все миллионы потекут в совсем другой карман.

Нужно только договориться...

Стиву не хотелось ни с кем разговаривать, на приветствия ребят сегодня он только рассеянно кивал. Недавно, повторяя хорошо отточенные движения на арене, он вдруг почему-то вспомнил, как мама учила его молиться. Он не мог сказать ни единого слова из тех стихов, которые она повторяла каждый вечер, но помнил ритм и такт. И когда ему было плохо, он стал воспроизводить их в голове, и снова возвращался в родительский дом, в то время, когда он чувствовал любовь от одного человека в мире – матери. Тем больнее было пережить то, что она сделала. Но для Стива она всегда была идеалом мудрости, и он решил для себя, что если она на такое решилась, это было для чего-то нужно. Для чего-то важного, непостижимого пока для его понимания.

– Стив, скотина ты безмозглая, чего задумался, двигайся! Я тебе не за глаза красивые плачу, а за работу! Джордж, поговори с этим ублюдком, чтобы меньше в облаках витал, а больше делом занимался, иначе поколочу вас обоих и не буду разбираться, кто есть кто!

Джордж со злостью посмотрел на Стива. Не хватало ещё, чтобы из-за его сопливых мечтаний сорвался разговор с Моррисом о прибавки еды. Он не любил смотреть на Стива, поскольку видел всё то, что так ненавидел в себе: широкий нос, высокий лоб, некрасивый плоский подбородок, чуть раскосые голубые глаза, мама называла их «четыре фиалки». Она смотрела в их одинаковые лица и улыбалась, глядя их лохматые макушки. Мама, мама, опять мама! Джордж, очнись! Ты давно уже большой мальчик, и уже научился жить без родителей. Этот мир суров и жесток, и родители даже очень хорошо сделали, что преподали им важный урок ещё в ранней юности. Неизвестно, что бы с ними стало, если бы не Моррис. А сейчас есть работа, какие-никакие деньги и далёкая мечта о свободе. Джордж вспомнил о своём запланированном разговоре, тряхнул головой, толкнул брата в бок, и они начали активнее двигаться под музыку.

Стив был младшим из братьев, если так можно сказать о тех, кто появился на свет с разницей в несколько секунд. Он всё время слушался Джорджа, был вынужден участвовать в его проделках, но в роли ведомого. Сам же он любил забраться под одеяло и читать, читать, читать. Он переносился в те миры, которые видел на страницах в книгах, где он был одинок и свободен. Джордж же был активным мальчиком, и книгам предпочитал прогулки по удалённым уголкам посёлка. Он ненавидел, когда Стив называл его «Джо», и часто колотил его за это.

Несмотря на разные характеры, в детстве им удавалось находить компромиссы, в чём большую роль сыграла мать. Но с возрастом, особенно когда родители продали их заезжому авантюристу Моррису за кругленькую сумму, и когда авторитет матери был утерян навсегда, по крайней мере для Джорджа, они стали чаще ссориться, каждый «тянул одеяло» на себя и считал свои интересы превыше интересов брата. Стив, в силу характера, чаще уступал, но в душе обижался на Джо и не разговаривал с ним неделями. Он чувствовал, что обижается и злится не на брата, а на себя, из-за того, что не может отстаивать свою точку зрения и давать отпор. После отъезда из родительского дома Джордж взял на себя роль главного и развил в себе уверенность, что он всегда прав, и Стив должен его слушаться, ради блага самого же Стива.

Поэтому невероятное предложение брата об операции застало Джорджа врасплох. Он долго тянул с обсуждением этого вопроса, но Стив, на этот раз на удивление упрямо, сыпал фактами и доводами. Описывал их возможности построить разные жизни, реализовать разные мечты.

Джордж опасался даже впускать идею Стива в свой мозг. Он с детства считал брата немного умственно отсталым, поскольку тот был замкнутым и тихим, и радовался, что хотя бы его самого природа наделила смелостью и деловой смекалкой. Но тут было над чем подумать, и мысли самовольно возвращались к этой теме. Расстаться с ним. Начать жизнь заново. Устроиться на нормальную работу, завести семью. Может, у него наконец будет девушка! Он находится уже в том возрасте, когда люди женятся. По ночам он часто мечтал, что встретит юную красавицу, которая примет его таким, какой он есть. Он мечтал, как он приведет её в дом, в спальню, разденет, будет рассматривать обнаженное тело. Он скажет ей, что она у него первая, или не будет говорить... Решит на месте, смотря как повернутся события этой ночи... Но потом он вспоминал, что это невозможно, и старался унять страсть и запрятать свои мысли о женщине подальше в тёмные уголки своей души. С другой стороны, был этот план про собственное шоу, его детище, о котором он втайне мечтал и продумывал вплоть до малейших деталей. Конечно, он знал, что Стив не разделяет его любовь к цирку и выступлениям, но без него Джордж не сможет сделать мировую сенсацию. Джордж любил деньги, хотя никогда не держал в руках крупные суммы, но чутьё ему подсказывало, что деньги открывают двери в мир богачей. И если женщина не ляжет с ним в постель за его фиалковые глаза, то уж точно ляжет за кругленькую сумму, как бы он ни выглядел. На карту было поставлено слишком много, чтобы принять решение за один день или даже за один год.

С утра они не разговаривали. Каждый был в своих мыслях, обдумывал полученную от врача информацию, и заговорить первым никто не решался. Стив не знал, о чём Джо собирается разговаривать с Моррисом, и всё же его мысли были далеко от маленького прокуренного кабинета, куда они пошли после утренней репетиции перед обедом. Стив хотел есть, и злился на брата не только из-за того, что тот молчит по такому важному для них обоим вопросу, но из-за того, что он оттягивает время обеда. Но Джордж был неумолим. Пока брат разговаривал с Моррисом, Стив думал о том, что вчера сказал им врач. В опасности будут обе жизни. Или одна. Или вторая. Или обе разом. Медицина не всесильна, и доктор Картер не слышал о случаях, чтобы подобного рода операции проходили удачно для обоих пациентов. Вернее, он вообще не слышал, что такие операции проводились. Нет, конечно, он готов взяться за этот случай, но только если они подпишут бумагу, что берут всю ответственность за свои жизни на себя. И при этом никаких гарантий.

Джордж и Стив родились не обычными близнецами, а сросшимися, что повергло в ужас мать, отца, всех соседей и односельчан маленькой итальянской коммуны Боза, располагающейся в регионе Сардиния, в провинции Ористано. У них были отдельные тела, у каждого своя голова, две ноги, но вот одна рука была на двоих. Для Джорджа это была правая рука, для Стива – левая. Сначала родителям младенцев советовали убить их, так как жители коммуны считали, что это плохой знак и что он может навлечь беду на маленькое поселение. Каж-

дый из соседей счёл свои долгом прийти в дом, посмотреть на детей, ужаснуться, поохать, поахать и наказать родителям избавиться от них, да поскорее. Родители сомневались очень долго. А пока они сомневались, братья успели подрасти, они научились пользоваться своими телами почти также, как это делают другие дети. Общей рукой, наряду со своей левой, мог управлять только Джордж. Стив же довольствовался лишь управлением мышц на своей правой руке. В развитии они также не отставали. Но несмотря на это, семья стала изгоями. Отца постоянно увольняли с работ, матери не давали заказов на кройку и шитьё, детей не брали в школу, семья перебивалась от случайной подработки до следующей и еле сводила концы с концами. И вот, когда братьям исполнилось по одиннадцать лет, через их село проезжал Моррис, ища в свой цирк «молодые таланты». На самом деле, его идея заключалась в поиске не столько талантов, сколько людей с особенной внешностью. Моррис задумал переплюнуть набиравший популярность цирк Барнума в Соединенных Штатах, пока тот не начал свои турне по миру. Урвать, так сказать, часть его славы в Европе, не прибегая к дополнительным затратам на рекламу. У Барнума в труппе были китайские сросшиеся близнецы, и Моррис хотел себе таких же, поэтому он не пожалел денег, когда выкупал Джорджа и Стива у родителей. Родители посоветовались и решили, что таким образом у братьев будет работа и хоть какая-то возможность нормально устроиться. Да и они сами были молоды, и ещё могли восстановить своё место в общественной жизни села, и даже, возможно, родить ещё ребёнка. Сделка состоялась. Близнецы стали рабами в услужении у Морриса, заключив с ним десятилетний контракт.

«Уникальные близнецы» – так они значились на афишах. Когда они проезжали в том или ином городе в повозке от гостиниц до цирков, местные мальчишки в старых грязных рваных рубашках кидались в них камнями с воплями: «Вы – исчадие ада!», «Убирайтесь вон из нашего города!». В эти моменты Стив погружался в свои мысли – он уже давно выстроил для себя такое средство защиты – уходить во внутренний мир, когда внешний становится ужасным и жестоким. Но он был таким практически всегда, поэтому Стиву иногда казалось, что настоящий мир – его собственный. А то, что происходит с его физическим телом – редкие приступы безумия, с которыми приходится уживаться.

Джордж злился на этих недалеких людишек, которым надо бы только хлеба и зрелищ. Они не принимали братьев за людей, скорее за скот, который показывали публике за деньги. После того, как они подвергались унижениям на улице со стороны прохожих, их выводили на арену цирка и начиналось представление: их со Стивом обнажёнными ставили на пьедестал, который начинал вращаться, показывая их со всех сторон и доказывая, что их одна рука на двоих – это не обман зрения, а действительно уродство их тел. Затем они исполняли различные номера: рисовали тремя руками, исполняли акробатические номера под музыку, скакали на двух лошадях рядом. И так каждый день в разных городах и странах.

Конечно, Стива привела в замешательство та информация, что один из них может не выжить после операции. Этот риск отправлял под откос весь его план их дальнейшей жизни по одиночке, который он рисовал в своих мечтах: он будет работать журналистом (пусть и с одной рукой, он же ею пишет, и это самое главное), а Джо... Чем хочет заниматься Джо в его придуманном разделённом мире, Стив не знал, но с таким характером он смог бы добиться очень многого, может, даже стать мэром? У него останутся обе руки, мэру же нужны обе руки. Но всё было сложно. Они оказались уникальным явлением природы, и редкий врач рискнул бы поставить на карту свою репутацию и согласился бы взяться за их случай, так сказал доктор Картер. Стив, ранее так отчаянно защищавший свою идею перед Джо, сейчас был в полной растерянности и не был ни в чём уверен. Ему бы помог разговор с братом, но тот намеренно избегал диалога с ним, даже вон пошел говорить с Моррисом о похлёбке, только бы не оставаться один на один, хотя брат был ему сейчас так нужен. Все решения в их жизни принимал Джо, и сейчас Стиву было бы достаточно лишь одной его фразы: «Забудь об этом», и он бы, наверное, успокоился, решив, что такова жизнь, и судьба явно говорит им не делать этого.

Но так как Джо молчал, Стиву казалось, что тот всё ещё обдумывает это предложение, и у него холодок пробежал по коже, когда он представлял, что будет, если Джо согласится на операцию. Он должен будет пойти на попятную и струсить, признав, что он был не прав в своем намерении. Он никоим образом не хочет стать причиной возможной смерти своего брата, как он сможет потом с этим жить?

Стив ненавидел каждый новый номер. Не потому, что нужно было что-то учить или тренировать. Да, поэтому тоже. Но главное – каждое новое представление ощущалось как очередная цепь, которой его приковывали к этому месту. Цепь, которую невозможно разорвать. Которая сковывает руки и ноги до крови с такой силой, что хочется выть от боли. К тому же, в этом новом номере опять были лошади. Он с детства их не любил, опасался, старался обойти стороной, таща брата в обход конюшен. Джо смеялся над ним, но ему было всё равно. Его охватывал ужас, когда он видел эти огромные морды, мощные тела, глубокие глаза. И никто на свете не заставил бы его сесть на лошадь верхом. Никто и ничто. Кроме кровавых цепей.

Стив был на сцене, шло выступление. Он смотрел в то место, где по идее должен был быть зрительный зал, но ничего и никого не видел. Он знал, что там полно людей, но свет слепил глаза. Ему это нравилось, было ощущение, что это очередная репетиция, и его не разденут догола на обозрение и посмешище публики. Но вот к ним подвели двойку лошадей. Новый коронный номер – сросшиеся «уникальные близнецы» скачут на двух разных лошадях. Десять минут и всё закончится. Их посадили наверх, он подогнул ногу и перенёс её на другой бок лошади. Стив старался не смотреть вниз. Он крепко ухватился за гриву своей одной рукой, которой он мог управлять. Интересно, какая лошадь досталась ему на этот раз – чёрная с белыми ногами или белая с чёрными. Нет, не интересно. Пусть это всё быстрее уже закончится. Джо видимо тоже уже уселся, потому что лошади поскакали. Им нужно было скакать очень близко друг к другу, чтобы оставаться в сёдлах – в этом и был трюк. Лошади пошли на второй круг, зал гудел. У Стива начала кружиться голова. Он вспомнил, что они сегодня не обедали, поскольку всё отведённое под обед время Джо разговаривал с Моррисом. Живот жалобно заныл, перед глазами помутнело. «Оставили ли нам нашу порцию обеда?», – это была последняя мысль Стива, и он отключился.

Джордж не понял, что происходит, ведь он отличный наездник, и умеет управляться с лошадьми. Повалившись прямо на Стива на полу арены, он съехал с него и стал трясти брата, но тот не отвечал. И тогда Джордж увидел кровь... Вся жизнь пронеслась у него перед глазами за короткий миг: их коммуна, детство, мать, тенистый парк, где они бегали, стопки книг, которые читал Стив перед сном, проделки, которые придумывал Джордж, а вину за них брал на себя Стив. Ругательства и побои от других детей, которые они вместе выносили, начиная с самого раннего детства. Они были вдвоём против всего мира. Вернее, это мир был против них двоих. Они встречали каждое утро вместе, всегда готовые к бою. Вместе... А сейчас Джордж почувствовал себя дико одиноким. Ему стало страшно. По-настоящему страшно. Страх стал проникать в его сознание как дурная вязкая тоска...

– Стив!!! Стиииииив!!! Вставай, скотина, ты слышишь меня? Не смей умирать, подонок, я что тебе говорю!!! Не оставляй меня тут одного!!! – Джордж не мог себя контролировать, он тряс брата рукой за одно плечо и орал на него со всей силы, не замечая никого вокруг.

– Необходимы пара дней покоя и хорошего питания. Ничего серьёзного, – говорил доктор, сидя в изголовье на старом матрасе, на который принесли Стива и Джорджа. Джордж не пострадал. А вот Стиву досталось – большая кровоточащая рана на голове и сломанный палец.

– Жив будет, – констатировал доктор и вышел из каморки.

Стив лежал без сознания, посапывая и иногда тихонько вздрагивая от боли. Джордж сидел рядом и пристально смотрел на него. Сейчас он не казался ему некрасивым. Вполне себе приятный молодой мужчина с высокими бледными скулами, длинными подрагивающими ресницами и теперь ещё и с будущим боевым шрамом на лбу. Почему раньше ему это лицо казалось уродливым? Он смотрел на Стива и думал, как здорово, что у него есть брат. Он не один в этом безумном жестоком мире. Им повезло, их двое, и они друг за друга стеной, что бы ни случилось.

Джордж прикрыл глаза. И тут он вспомнил и вдруг понял свой сегодняшний сон. Он – без сердца – это значит: он – без Стива. Удачно или не удачно пройдёт операция, если они на неё решатся, останется жив он, или Стив, или они оба, но в любом случае, без Стива он не выживет. А значит, лучше не испытывать судьбу и просто продолжать идти вместе рука об руку, брат за брата. Джордж раскрыл глаза, и увидел, что Стив на него смотрит и улыбается. И он подумал: «До любви друг к другу у нас ещё долгий путь, но я уверен, что на нём мы уже сделали первый шаг...».

Глава 3

*«И ты мчишься, сломя голову, за новой целью,
И ты мчишься, сломя голову, выйдя из-под контроля...»
Королева «Слома голову»*

День второй.

В мессенджере ещё со вчерашнего дня висело целых семь голосовых от Айрис, но он так и не собрался с духом за пол дня прослушать их. Ведь после этого надо будет принимать какое-то решение, а у него не было на это моральных сил. «Может, стоит обратиться к психологу? В Бюро вроде есть один неплохой, судя по разговорам парней у кофемашины. Да ну ерунда!» Тот психолог наверняка занимается только серьёзными служебными травмами, а у Коэна было всего две простых, на первый взгляд, загадки – незнакомая женщина в больнице, но тут он хотел разобраться сам, и хулиганское нападение на лавку гадалки, разгадка которого казалась ему лежащей на поверхности, и тоже не требующая помощи извне. И тем не менее, у него было сейчас достаточно поводов для размышления. Айрис уж точно не в приоритете.

Фотографии, сделанные после нападения в двух других лавках, были очень похожи – разбросанные вещи, перевернутая мебель, вытасненные ящики из столов. Кто-то явно что-то искал, а вот нашёл ли? Что вообще можно было искать в лавках гадалок, ведь не украдены ни деньги, ни документы, ни даже хрустальные шары, какая бы стоимость у них ни была. Коэн не представлял, сколько может стоить такой хрустальный шар, но не сомневался, что настоящая его ценность не в деньгах. Особенно для их хозяек, с которыми у вещиц была особенная связь.

Миссис Роббинс отказалась давать списки своих клиентов. «Это неэтично», – сказала она. Даже для расследования дела о хулиганстве в её лавке. Никого же не убили? Значит, это не очень важно. А раскрытие личной информации может повредить конкретно кому-то из тех людей, кто ей доверился.

– Вы ведь знаете, что произошло и из-за чего, ведь так? – напрямую спросил её Коэн на повторном допросе, когда пригласил в Бюро на следующий день. Она продолжала сканировать его глазами так пристально, что казалось, что он снова получает дозу ионизирующего рентгеновского излучения. Головой он понимал, что всё это бред, но холодок по спине от её взгляда всё равно нет-нет, да пробегал.

– Мистер Хангерфорд, мальчик мой. Я так давно живу на этом свете, что уж поверь мне, знаю, что важно, а что нет. Так вот, дело это не стоит и выеденного яйца. Всё само собой разрешится, ты только тратишь своё такое драгоценное время, займись лучше более серьёзными делами, – они сидели в переговорной комнате, за круглым столом. Коэн не хотел сажать её в комнату для допросов, слишком ему импонировала эта женщина, чтобы помещать её в некомфортные для любого человека условия. Перед ней стоял прозрачный стакан с водой, перед Коэном – маленькая белая чашка с чёрным кофе без сахара.

– Это моя работа, миссис Роббинс, – облокотившись на спинку стула, устало возразил ей Коэн. Бессонная ночь, моральные терзания и ведро выпитого кофе, отчего каждая последующая чашка казалось ещё противнее предыдущей, съедали все его силы. – Кто бы что ни думал, случилось преступление, и пострадали не только вы. Поэтому мой долг разузнать всё, что возможно, и найти того, кто это сделал. Мы не знаем, что именно этот человек, или эти люди, могут вытворить в следующий раз, их судьбу должен решить суд. Прошу вас, помогите мне найти их.

– Все слова и действия имеют последствия, Коэн. Я не привыкла говорить лишних слов и совершать ненужные действия, это мой принцип сохранения энергии в природе. Поэтому

я говорю только то, что важно. Ты всё равно ничего не сможешь сделать с этими людьми. А к тому результату, который ты получишь по раскрытию этого дела, ты придёшь и сам, без моей помощи. Так зачем мне нарушать мои принципы о конфиденциальности клиентов и говорить что-то?

Коэн закрыл глаза и потёр переносицу. Он чувствовал себя как на сеансе психотерапии. Ну и зачем ему ещё и психолог!

– Чтобы мы быстрее их нашли и занимались более серьёзными делами, миссис Роббинс – терпеливо сказал он, повторяя её слова. – Почему вы считаете, что я не смогу ничего сделать с преступниками? Вам угрожали, вас шантажировали?

Миссис Роббинс с глубоким вздохом посмотрела на Коэна, закатила глаза и отпила воды.

– Ты сходил к той девушке? – она внезапно поменяла тему.

– Что?.. Ээ... Какой девушке? – это было так неожиданно, что Коэн не сразу сообразил, кого она имеет в виду.

– Не сходил. А жаль, она ждёт тебя. Вот, кому ты действительно можешь помочь действиями, а не болтовнёй со старой женщиной, от которой ты всё равно ничего не добьёшься, – миссис Роббинс замолчала и перевела взгляд на стену.

Коэн подумал минуту.

– Ладно, закончили на сегодня, идите домой и будьте осторожны, – Коэн решительно хлопнул ладонями по столу так, что нетронутый остывший кофе расплескался, и встал.

Гадалка смотрела будто сквозь него невидящими глазами, она тоже встала и направилась к выходу, где уже ждал агент, который отвезёт её из Бюро домой.

Коэн вернулся в свой кабинет, негодование кипело в нём. Он был готов рвать и метать от бессилия и недостатка информации. На рабочем столе его ждал сюрприз – там уже лежала синяя тонкая папочка, которую принесла ему секретарь. В ней были отчёты по сделанным им запросам из разных отделов.

Две гадалки, в чьих лавках были совершены такие же нападения, как у миссис Роббинс, были более сговорчивы и дали списки своих клиентов за последние две недели. Коэн выдохнул: это уже хоть что-то, с чем можно работать.

Но были доклады и не очень продуктивные. Во-первых, в округе ни в одном заведении не было совершено подобных хулиганств, нападению подверглись только дома гадалок. А во-вторых, все записи того вечера с камер наблюдения, которые были обращены на разгромленные лавки, были стёрты. Удивительно, это совпадение или кто-то сработал на высоком уровне? На слишком высоком, учитывая, что вокруг лавок находятся и мелкие магазинчики, и кафе. У кого-то есть доступ ко многим частным серверам этого города, а это уже не похоже на мелкое хулиганство. Но кому могли помешать гадалки?

Коэн тут же повернулся к компьютеру и написал запрос Марку, компьютерному гению и первоклассному хакеру. Но самая главная причина, по которой Коэн и другие агенты частенько обращались к Марку – это то, что тот сотрудничал с Бюро. А это значит, что его методы считались вполне «допустимыми», по внутренним директивам были почти «законными», и на них можно было опираться в расследованиях, не опасаясь указывать его в отчётах. Дожидаясь, пока от Марка придет подтверждение принятия запроса, Коэн обдумывал стратегию.

Сейчас остаётся работать только со списками клиентов. Коэн взял две копии, снятые с блокнотов женщин, и начал просматривать имена. Их было немного, и он сразу увидел одно имя, которое было в обоих списках: Дафна. Просто имя, без фамилии, как, впрочем, и все остальные имена. Коэн допускал, что даже оно было не настоящее. Пусто. Чёрт.

Как же сейчас ему не хватало помощи миссис Роббинс, но та заладила про неважность и бессмысленность этого дела, и толку от неё было ноль. На Коэна снова накатила волна злости. Логично было бы предположить, что все пострадавшие должны содействовать следствию,

но на деле и по разным причинам это происходит не всегда: кто-то боится рассказать то, что видел, для кого-то травма слишком сильна, и они не способны воспроизвести полностью то, что случилось, ни сразу после события, ни многим позже, а иногда даже не в состоянии обсуждать произошедшее и после курса психотерапии.

Но здесь ему не казалось, что гадалка боится или находится в состоянии шока, она просто отказывалась содействовать по каким-то только ей одной известным причинам.

Коэн сделал несколько звонков, раздал задания своим агентам, и уже спустя тридцать минут у него был словесный портрет этой Дафны от двух пострадавших гадалок, а ещё через час – фоторобот девушки из Лаборатории криминалистов. Редкие светлые волосы с прямым пробором, завязанные в хвост, большие зеленоватые глаза, симпатичное узкое лицо с широкими скулами. Никаких особых примет гадалки не смогли вспомнить. Коэн отправил портрет в отдел, занимающийся распознаванием лиц. Этот процесс был не быстрым, и Коэну не обязательно было дожидаться его окончания сегодня в офисе. Всё равно его сразу оповестят, как только будет какое-то совпадение. Он поставил локти на стол, уронил на ладони голову и прикрыл глаза.

Миссис Робинс уже второй раз говорит ему о той женщине. Откуда она знает про неё? И вообще, про ту ли женщину в коме она говорит? Или, может, речь об Айрис, и ей нужна его помощь? Коэн усмехнулся. Вообще, логично предположить, что у молодого мужчины может быть в мыслях женщина, даже вполне вероятно, тут несложно и угадать. Так что вполне возможно, ему только кажется, что та сканирует его взглядом, а на деле это просто хорошо отработанный цирковой трюк. Если кому-то рассказать, что он поверил гадалке, над ним точно будут смеяться.

Коэн открыл глаза, выпрямился и нахмурился.

Но надо навестить Дэнни! Да, конечно, как же он забыл про Дэнни! Это будет визит вежливости, он сходит к нему прямо сегодня, узнает, как у того дела. Ну и, может быть, заглянет в палату к той женщине проведать и её. Но пойдёт он целенаправленно к Дэнни.

Коэн с нетерпением ждал конца рабочего дня, слушая отчёты своих подчинённых по текущим делам и перекладывая бумажки с места на место. В принципе, ему не обязательно было находиться в офисе от звонка до звонка, ведь у него полевая работа. Но его не покидало чувство, что он собирается поехать может быть... всё-таки... как бы... не совсем по рабочим вопросам, и от этого было немного неудобно перед самим собой, как будто он собирался прогуливать урок в школе без записки от родителей.

Как только стрелка на часах достигла семи, Коэн резко вскочил, схватил ключи от машины, папочку с материалами дела, и выбежал из здания Бюро.

В больницу он ехал неспешно, будто оттягивал момент подтверждения своих подлинных целей. Но сердце у него колотилось как безумное.

Коэн зашел в палату к Дэнни.

– Добрый вечер, мистер Кроу, как вы?

– О, агент Хангерфорд, не ожидал вас здесь увидеть. Намного лучше, чем вчера, спасибо, плечо начинает заживать, кажется. Мне сегодня сделали столько обследований, и я сдал столько анализов, всё одно за другим. Но уже домой хочется, если честно, к жене, детишкам. Они меня, конечно, навещают, но сами понимаете, дома всегда лучше.

– Понимаю, и уверен, вас скоро выпишут, как только анализы подтвердят, что вашему здоровью больше ничего не угрожает, – Коэн улыбнулся.

Дэнни кивнул и улыбнулся в ответ. Коэн постоял ещё. Ситуация становилась совсем неудобной.

– Эм... Ну что ж, я рад, что вы поправляетесь. И желаю скорейшего возвращения домой, к семье.

Коэн чувствовал себя не в своей тарелке, и Денни явно ощущал то же самое. Агент ФБР не должен был приходить навещать его, тем более на следующий же день, он был просто сотрудником, который сопровождал его в больницу. И всё же он тут.

Коэн махнул рукой Денни на прощание и вышел из палаты. Он чувствовал, что вспотел от ощущения неуместности своего прихода сюда. Он постоял, обдумывая случившееся, а потом его взгляд устремился к дальней двери, которая находилась почти около лифта.

«Ну что ж, ничего же не случится, если я зайду. Просто загляну и удостоверюсь, что она...». А что она? Жива? Очнулась? Что он хотел проверить, он не знал. Но он уже тут, он хотел туда пойти. И он медленно пошёл по коридору. В этот раз ему не хотелось смотреть в окно, видеть других людей, у него была одна цель. Но как ни старался он идти медленно, всё равно в какой-то момент дошёл до заветной палаты. Дверь была прикрыта.

Коэн решительно вдохнул, приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Около кушетки сидела женщина, закрывая собой лежащего человека. Коэн только успел заметить, что поддерживающей температуру конструкции уже не было.

– Простите? – женщина обернулась и вопросительно посмотрела на него. Длинные каштановые волосы обрамляли миловидное широкое незнакомое лицо с большими карими глазами.

– Извините, ошибся палатой, – Коэн растерялся, захлопнул дверь и облокотился о стену рядом.

Чёрт побери, как же он хочет её увидеть! Как она себя чувствует сегодня, спустя сутки после его прихода сюда, когда он увидел её первый раз, всю забинтованную и лежащую без сознания в груде проводов? Видимо, лучше, если конструкцию уже сняли. Может быть, она даже уже вышла из комы?

И тут его осенило. Коэн отступил от стены. Он совершенно забыл о своём преимуществе, он же работает в ФБР! И запросто может узнать её имя у медицинского персонала, а уже потом, что произошло с этой женщиной и в каком состоянии она сейчас. Коэн рванул к лифту, нажал на кнопку этажа ресепшн и вдруг замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.